

A high-contrast, black and white close-up of a person's face, focusing on the eye. The eye is strikingly bright with a multi-colored, iridescent glow, resembling a digital or artificial eye. The rest of the face is in deep shadow, with only the contours of the nose and lips visible. The background is a plain, light color.

**НЕВЫМЫШЛЕННЫЕ
РАССКАЗЫ**

Владимир Опёнок

18+

Владимир Опёнок

Невымышленные рассказы

<https://litres.ru/54887354>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-94260-8

Аннотация

Сборник правдивых историй. Читателю предлагается жизнь полная противоречий и парадоксов. Книга для тех, кому нравится сентиментальная проза, кто ценит необычные истории. При этом, всё изложенное – чистейшая правда...

В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

Содержание

Таёжный либерализм	4
Пугало	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Невымышленные рассказы

Всё изложенное - чистейшая правда

Таёжный либерализм

Собрались как-то пернатые на закате подвести итоги года, но посторонних приглашать не стали. Как-никак тайная вечеря проводится келейно, чтобы не то что Лиса, Комар носу не подточил. Так уж заведено, вот и не хотели менять привычный уклад. И всё бы ничего, но на сей раз, сообразуясь с важностью момента слово взяла Сова. Что славилась мудростью и велеречивостью. Оглядела она присутствующих подслеповатыми глазами и молвила:

– Ну что братья и сёстры, доколе станем терпеть?

И замолчала. Знала умудрённая жизнью, заинтриговать аудиторию – полдела сделать! И постаралась. Надобно сказать – получилось! Сидевшие на ветвях пичуги смолкли и, вытянув шеи, почтительно внимали той, чьи слова прозвучали веско и убедительно. А Сова тем временем держала паузу, но пауза не вечна, и откашлявшись, она продолжила:

– Сёстры и братья мои ненаглядные, скоро зима, старший наш по обыкновению в спячку впадёт. И хоть нам не привыкать, но...

Тут она тяжело вздохнула, демонстрируя озабоченность

судьбами таёжной братии в зимние холода. Аудитория молча слушала.

– Я вот о чём подумала, – осторожно начала Сова. – Может, выборы устроим? Кандидаты найдутся. Нет, из джунглей заморских выпишем, например – Обезьяну! У них лето круглый год, вот и пускай поучит нас уму-разуму. Я ведь не о себе, – слезливо завершая речь закончила она – о вас, неразумных, думаю...

Сказанное произвело впечатление. Пичуги зашшукались, и поднялся птичий гвалт. Да такой, что перья полетели. Тогда на слове настоятельно настоял Дятел. Мало кому хотелось с ним связываться, но уступили крепкоголовому да буйному. Может, дельное скажет? А дятел, тем временем прочистив клюв, произнёс:

– Сова дело говорит! Мне тут Сорока на хвосте принесла, что в соседнем лесу – демократия. Толерантность, либерализм и плюрализм...

«Демократия» – какое дивно-диковинное слово. А как ласкает слух! Присутствующие подхватили его на разные голоса и – полилось! «Демократия», «толерантность», «плюрализм», «либерализм». Нет, с «плюрализмом» – неблагозвучно выходит. Решили остановиться на «демократии» и «либерализме».

Сова, благодарно взглянув на Дятла, вновь привлекла всеобщее внимание:

– Демократия, – значимо произнесла она, – это возмож-

ность каждому занять руководящую должность.

– Что ты несёшь? – раздалось из птичьей гущи. – Где это видано, чтобы Волк подчинялся Козе, а Гусь командовал Свиньёй? Он ей даже не товарищ, зачем воду баламутишь?

Гул одобрения встретил эти слова. Ну никак не вязалось услышанное с реальностью. Однако Сова, не смутившись, ответствовала:

– Напрасно сомневаетесь. Кого выберем, тот и станет руководить.

Вот так и смущаются неокрепшие умы. Впрочем, окрепшие тоже. Но время было на исходе, солнце скрылось за горизонтом и собрание подошло к завершению. Ни до чего не договорившись, пичуги разлетелись по своим гнёздышкам. Правда зёрна сомнений каждая унесла с собой...

Прошло несколько дней. То, что обсуждалось на птичьем совете, достигло ушей Хозяина тайги. Тем не менее, как это частенько бывает, руководство не вняло слухам, посчитав их не заслуживающими внимания. Оно не озаботилось выявлением зачинщиков, опровержением и разъяснением о вредности подобного рода сентенций для таёжного сообщества. Ну и напрасно! На то и слухи, чтобы к ним прислушиваться. Так заманчивые слова о «демократии» соблазнили многих, и загудела тайга, как растревоженный улей! Очень уж заманчивой казалась перспектива.

Как выяснилось много позже, шушуканье таёжных обитателей носило сугубо прагматичный характер. Если в ре-

зультате одного лишь поднятия лапы можно сменить руководство, то значимым фактором является количество таких лап. И теперь победить тучное стадо Коров, легко могли насекомые. Они плодятся неимоверно, ужасая своею численностью кандидатов из крупнорогатого скота. Отныне «размер не имеет значения»! Только электорат. А у кого он самый внушительный – тот и победитель...

Едва эта нехитрая формула была осознана, тут же начались переговоры на предмет коалиций и объединений. Потому как решила всякая тварь, в смысле Божье творение, «порулить», а не трястись по ухабам вследствие нерадивого, как ей уже казалось, управления таёжным укладом. Другое дело, что переговоры ни к чему не привели, потому как хищники вели диалог только с хищниками, а травоядные потянулись к травоядным. Да и как договорится Рыси с Белкой, Бурундуком либо Зайцем? Природу не изменить! Но можно попробовать обмануть. И попробовали...

Что тут началось! В считанные дни таёжные обитатели перессорились друг с другом и озлобились на собратьев своих. Казалось, ещё немного – и запылает тайга! Вместе с тем, действовать приходилось с оглядкой, поскольку Хозяин был начеку. И легко мог открутить башку любому.

С другой стороны, в дело вмешался плюрализм, от которого вначале захотели отказаться, в силу его неблагозвучности. Именно он стал фундаментом всевозможных склок и интриг, и отныне любой Бобёр мог смело бросить обвинение

камышовому Коту в авторитаризме, нисколько не опасаясь за свою жизнь. Общественное мнение тут же вставало на его защиту и разъяряло разъярённому хищнику, мол недопустимо питаться политическими оппонентами. О том, что так устроено Природой, многие позабыли и занесли подобную чушь в список правил. Их негласно, но усердно принялись составлять мелкие грызуны. В былые времена, не смевшие даже пикнуть. И надо отдать им должное, список с каждым днём расширялся и дополнялся. Согласно его положениям, хищникам отводилась весьма незавидная роль. Им предписывалась строжайшая диета в рамках программы увеличения поголовья электората. И хищники смирились, несмотря на то что Хозяином по-прежнему был Медведь.

Так ветер перемен сыграл с обитателями тайги злую шутку. Ни до чего не договорившись, они «подвисли» в воздухе несбывшихся надежд...

Не все советы полезны

Пришла зима. Медведь зарылся в берлоге, не зная, что всякая мелкая живность старательно заваливала его лежбище ветвями да опавшей листвой. Кое-кто даже старую корягу приволок, и водрузившись, она напоминала надгробие. И дружно управившись с погребением, а фактически замуровав Медведя заживо, таёжная мелкота поспешила на доклад к Сове. Та зорко следила за тем, кто, а главное, как – осва-

ивает азы «демократии», «толерантности» и прочей заморской премудрости.

К её удивлению, одним из самых прилежных оказался Кабан! На всё сказанное Совой он понимающе хрюкал, не отрываясь от поиска кореньев. Но к нему вернёмся позже, а пока необходимо найти консенсус. Ведь оно не добились таёжные обитатели. Хищники по-прежнему желали отужинать травоядными, а те, не соглашались с базовыми потребностями зубастого электората. Вот и разошлась тайга на два непримиримых лагеря.

Кто-то, сейчас уже сложно вспомнить кто, предложил обратиться за советом к змеям. Мол, те славятся мудростью и наверняка подскажут что-либо дельное. Правда, к кому пойти? Суровый таёжный климат не баловал змеиный род, потому выбор был невелик. Кроме Ужа, Полоза да Щитомордника, с трудом вспомнили Гадюку. Но связываться с ней – себе дороже! Гадюка может цапнуть, да так, что клыки отравленными стрелами вопьются в переговорщика. И тогда каюк, только дело сделано не будет. К тому же Гадюку ещё никому не удавалось призвать к ответу. Змеи дрессировке не поддаются в перестройку не верят, на выборы не ходят. Оттого и решили найти Медянку. Самую безобидную представительницу змеинового семейства, обитающую в данном регионе.

После недолгих разъяснений, вводящих в курс дела, Медянка посоветовала перемешать между собой враждующие стороны и объединить их в партии. По принципу – хищни-

ки должны стать однопартийцами тем, на кого ранее охотились. Посыпались вопросы: к чему такие сложности? Зачем идти супротив Природы? Ответ, последовал незамедлительно: для толерантности! Теперь пускай вместе сидят на заседаниях, а назовём это – партийной дисциплиной.

Выслушав совет, таёжная братия согласилась. Чуть позже определились и с количеством партий. Их оказалось всего две. После чего обязали Волков и Лисиц сдружиться с Косулями, Лосей и Оленей побрататься с болотными Лягушками, а Рысь, Манула и прочих хищных кошек – убедить Бурндуков да Белок в своём дружелюбии. Венцом толерантности стала дружба Кабанов с горными Козлами и чёрными Журавлями. И это не считая Кабарги, Изюбрей, Росомахи и прочих диковинных Стерхов, чьё имя сразу не вспомнишь.

Сложно сказать, пошутила ли Медянка, давая странный совет. Однако сказано – сделано, партии сформированы и Сова радостно хлопотала в предвкушении светлого будущего. Правда, пока только по ночам. Природная предрасположенность вести жизнь в тёмное время несколько не менялась, несмотря на изменения, происходившие с таёжным укладом. Днём ей по-прежнему приходилось близоруко шуриться, отпуская управление на волю судеб. Вот и задумалась Сова о напарнике. Да таком, кто имеет достаточный вес, а главное, станет беспрекословно исполнять всё, что ему будет сказано.

И тут вспомнился ей немногословный Кабан. Кто выка-

зывал чудеса понятливости в освоении неведомой науки – «демократии»! К удивлению Сова, он тут же согласился на все условия, согласно которым обязался выполнять, что будет велено. Сова же, взялась продвигать его на ведущие позиции. Глубокой ночью под сенью старого дуба, они заключили союз. Теперь предстояло вывести Кабана из тени, а для этой цели использовать старый, проверенный приём – слухи. Ведь не случайно обронённое слово – мощное оружие! И не успела тайга оглянуться, как поползли, словно подземные черви, славословия в честь непревзойдённого старательностью, близостью к корням патриота, что радеет о живности, населяющей тайгу. Не чета уснувшему Медведю.

Забавные всё-таки существа – зверюшки! С одной стороны, живут согласно природному расписанию. С другой, поверили в сказку, будто можно вот так запросто, перевернуть веками устроенный порядок. И стали безропотно осуществлять навязанную выжившей из ума, подслеповатой фантазёркой игру. Но чем неправдоподобнее слухи, тем охотнее в них верят. И молва о непревзойдённости Кабана как руководителя сделала дело. Таёжные обитатели и травоядные, и хищники, сразу разглядели в нём своего и приняли на веру – именно он достоин взять бразды правления. Быть руководителем собрания, в обязанности которого – вершить судьбу тайги.

Что же касается Обезьяны, её решили не приглашать. Не приведи Бог околеет заморская зверюшка и разразится меж-

дународный скандал. Как потом смотреть в глаза мировой общественности? Вот и решили управиться своими силами.

Начало «славных» дел

Не прошло и недели, как таёжная живность провозгласила Кабана главой почтенного собрания. Правда, в чём отличие партий, кому предписывалось разрабатывать законопроекты, никто понять не мог. И в одной, и в другой картина одинакова. Обленившиеся, заплывшие жирком травоядные да осунувшиеся, голодные хищники. Тем не менее, первое заседание прошло на удивление спокойно. Однако участники по-прежнему разговаривали шёпотом, привычно опасаясь Медведя. Но в дальнейшем встречи проходили в дружеской, если не считать голодный блеск в глазах хищников, атмосфере.

В конце концов, они-то и оказались самыми пострадавшими! Без мяса сыт не будешь, но кем питаться, когда травоядные заседают на собраниях, а их родственники сплошь секретари да курьеры? Вот и пришлось хищникам несолоно хлебавши принять правила неагрессивного поведения. Единодушно проголосовав за «толерантность», они теперь облизывались на любую мелочь, какая, потеряв всякую осторожность, ставила на вид, кому и как себя вести. Более того, грызуны, написавшие «новый свод правил», возглавили комитет по этике, обучая хищников правильному образу жизни.

ни. Так декларируемые нововведения промыли мозги таёжным обитателям до такой степени, что появились особи, публично отказавшиеся от самой природой заведённого способа размножения. Иными словами, кое-кто из самцов предпочёл самкам собратьев. Им в отместку самки, объявив эмансипацию, вооружились доктриной, согласно которой «самка вправе иметь самца».

Но венцом вакханалии стал протест Совёнка, внука яркой поборницы «демократии». Дело в том, что как-то раз её любимец, во всеуслышание заявил:

– Бабуля, хватит меня учить! – при этом едва держался на ногах, наклевавшись пошла из перебродивших ягод. – Ты мне не указ, – продолжая шататься, нетвёрдым голосом говорил Совёнок, – Я на тебя жалобу настрою в ювенальную юстицию...

Сказать, что Сова была в шоке, ничего не сказать, поскольку проблемы с внуком начался из-за его разгильдяйства, и она провела разъяснительную беседу, в результате которой тот должен был усвоить, что «ученье свет, а неученье – чуть свет и на работу». Но по какой-то причине нетрезвый внук не проникся назиданием, а наоборот, в мельчайших подробностях указал бабушке куда ей идти. Вот и убралась Сова восвояси не понимая, где допустила просчёт в воспитании.

Меж тем других проблем так же хватало. Мало того что молодёжь не признавала авторитеты, так ещё меньшинство,

сменившее ориентацию, потребовало таких же прав, как у большинства! В силу невозможности обзавестись потомством, они возжелали брать на усыновление детёнышей, кого ювенальная юстиция планировала забирать из семей. И это был перебор! Проще говоря, пока они втихомолку обхаживали друг друга, окружающим было не до них. Во время тотального слома традиций, чего только не встретишь в «охотном ряду», где всё определялось словом – «охотный»! Но, когда речь зашла об изъятии детёнышей из семейств и передаче на попечение «этим», многие взъерепенились. Не только хищники, даже травоядные встали на «дыбы» и пригрозили поднять на рога почтенное собрание в случае принятия подобного законопроекта!

Вот только главе собрания Кабану совсем не понравилась ультимативная форма предъявляемых претензий! И решил он, невзирая на мнение осторожной Совы, не уступать смутьянам. Дабы не ударить в грязь рылом. «До чего дожили, – думал разъярённый неповиновением Кабан, – мне, всеетаёжно избранному руководителю, угрожать? Да я вас из еловых шишек расстреляю! На осинах перевешаю».

Правда мудрая Сова сразу смекнула, что-то пошло не так. Несмотря на возраст, сообразила «откуда дует ветер». И как ни странно, оказалась права, поскольку объявился в тайге смутьян. Сивый Мерин. Из тех, кого по старости приговорили на мясо, но не успели отправить на скотобойню. Вот и сбежал Мерин в тайгу, где тоскливо озираясь, приготовился

расстаться с жизнью. Там и повстречал молодых волчат, из того самого поколения, что утратило природные инстинкты. И вместо того, чтобы им позавтракать рассказало, как в тайгу пришла демократия.

Поначалу Мерин не поверил своим глазам! Оно и неудивительно, ведь его не слопали, более того, пригласили поделиться жизненным опытом. И надобно сказать, он оказался весьма благодарным, так как сумел выбиться в советники главы собрания. С тех самых пор стал любимым наставником таёжных зверёнышей, потому что ничего не запрещал, а поощрял любую идею, какой бы бредовой она ни была...

Праздник непослушания

Вместе с тем, тотальное разрешение всего сыграло с молодёжью роковую шутку! Ополчилась она на старших, демонстрируя пренебрежение к нормам, согласно чему устроена таёжная жизнь. И едва солнечный диск появлялся из-за горизонта, как становилось очевидным, что ювенальная юстиция грозно стоит на защите зверёнышей, не позволяя применять старые методы воспитания. Подзатыльники и затрещины, как отжившие век рудименты оказались под запретом. Это привело к тому, что повсеместной стала картина, когда почтенная особь разговаривала с молодняком, а та презрительно сплёвывала ей под ноги. Проходившие мимо едва сдерживались, дабы не вклепить затрещину зарвавшему-

ся молодняку, однако «толерантность» не позволяла!

Ну положим, вlepили затрещину хамоватому недорослю и что с того? В мгновенье ока весть об этом разнесётся и достигнет общественного мнения. А на новостных лентах таёжных СМИ появится душераздирающая история о подростке, ставшим жертвой домашнего насилия. Дальше – больше. Интервью, приглашение на телевидение, в итоге – должность в комиссии по расследованию случаев семейного насилия. Вот и проходили мимо родители, опуская взор и не понимая, каким образом благородное с виду начинание, выродилось в отвратительную вседозволенность.

Тем не менее, на этом младореформаторы не остановились. Они решили продемонстрировать своё влияние. Для чего организовали митинг. Правда чёрт их дёрнул собраться возле берлоги, где почивал Медведь. Но, когда вседозволенность кружит голову, всё нипочём! И старая коряга, водружённая вместо памятника, превратилась в трибуну.

Меж тем, пламенные речи разбудили Хозяина тайги. Недовольно высунувшись из берлоги, Потапыч не понимал, не привиделось ли ему происходящее? Он вылез наружу и, пошатываясь от долгой спячки, взмахом лапы смахнул трибуну-корягу вместе с очередным оратором. Тот кубарем покотился по земле и защёлкали фотокамеры, коими обзавелись продвинутые зверёныши. Медведь закрылся лапой от вспышек, природы которых не понимал. Но за время его сна многие потеряли страх. Только этим объясняется, что никто

не двинулся с места. Все с любопытством ждали дальнейших событий.

– Что происходит? – грозно спросил Потапыч. – По какому поводу сбор?

Зверьё зашушукалось, но расходиться не собиралось.

– А ты сам кто таков будешь? – раздалось из звериной гущи. – И вообще, чего с ним разговаривать? У нас теперь новый главный – Кабан! А этот – нелегитимен...

Вон как, оказывается, бывает. Заснул облечённый властью, легитимно признанный Медведь, а проснулось нечто, лишённое всяческой легитимности. Но на то он и Хозяин, голосом его не прошибёшь! Едва заслышав про Кабана, Потапыч направился туда, откуда это прозвучало. Не дожидаясь расправы, звери бросились куда глаза глядят, и он остался один. Тем не менее, это было только начало, так как весть о проснувшемся Медведе достигла ушей Кабана и Совы.

Будет неверным утверждать, что застала их врасплох. Бунтовщики готовились, и придумали объяснение, мол времена нынче изменились, и Хозяин может вернуть себе власть, но для этого нужно победить на выборах. А очередные, согласно регламенту, ожидаются годика через четыре. Правда, такие мысли существовали лишь в теории. На практике никто не представлял, как озвучить таёжному великану подобное.

В те дни произошло ещё кое-что, чего ни мудрая Сова, ни глуповатый Кабан предугадать не могли. Добралась до

таёжной глуши ревизия, во главе с самим Лесником. А тот не стал разбираться в тонкостях законотворческих нюансов, и увидав разжиревших травоядных и оголодавших хищников, разогнал почтенное собрание по норам, рекам, гнёздам и иным местам, прекратив деятельность, с таким трудолюбием создаваемую Совой. После чего заключил участников беспорядков под стражу! Посадил под арест: Сову, как идейного вдохновителя и Кабана, как исполнителя чужой воли. Касаемо Медведя, его оставили «на закуску».

– Ну что скажешь, Сова? – сурово начал допрос Лесник. – Кто входил в организованную группу? Клички, пароли, явки?

Сова молчала. Понимала – групповая ответственность тяжелее. Вот и решила свалить дурака.

– Обидно мне стало, – сквозь слёзы принялась она каяться, – из года в год одно и то же. Нагуляет жирок руководитель и в коечку! А как мы холода переживём – вопрос!

Лесник слушал, упёршись запястьем в ружьё. Почувствовав кураж, Сова продолжила:

– Посудите сами, – предприняла она попытку переложить ответственность. – До вас ни достучаться. И потом, мы же выборы провели! У всетаёжно избранного руководителя можете поинтересоваться.

– Я его обязательно допрошу, – сухо прервал Лесник. – С кем из зарубежных лесничеств контактировали? Кто финансировал?

На Сову обрушились тяжёлые вопросы! Ни за что не поверит Лесник, что можно вот так запросто, используя доверчивость обывателей – осуществить переворот.

Дилемма

Тем не менее, это было так и нужно принимать решение. Как ни крути, Сова права в одном – территория тайги, во время зимовья, без присмотра. Потому и не стал Лесник её наказывать. По-хорошему, ей спасибо нужно сказать. Сумела вскрыть слабое звено. Да и получила она своё. Наказанием стало непослушание внука, увлékшегося либеральными идеями. Отпустил её Лесник. Но назидательно упредил, в другой раз спуска не будет. Хоть в чём-то окажешься замешанной, набыю из тебя чучело.

Настала очередь Кабана, и поначалу надеялся рылообразный, его вслед за Совой отпустят. Но Сову выпустили с учётом возраста. Кабан же был в самом расцвете и мог набедокурить. Правда и он ненадолго задержался под арестом. Както вызвал его Лесник и, отведя за местный солончак, выстрелил в лоб! У Кабана от ужаса подкосились ноги. Но тот выстрел оказался холостым. Не стал Лесник проливать кровь. Отпустил бывшего главу собрания домой. Однако после показательного расстрела, Кабан зарёкся играть в политику.

Вот так Лесник решил насущные проблемы и осталось всего два вопроса: первый – кого назначить вместо Медведя,

второй – что делать с ним самим? А пока жизнь входила в привычное русло, и таёжные обитатели возвращались к природному укладу.

Меж тем, подошло время решать судьбу Медведя, ведь невзирая на симпатию, Лесник понимал, былого авторитета у Косолапого нет. К тому же вольный ветер самоуправств забудется не скоро. Вот и думал, как обеспечить в тайге законность. Думал, думал и удумал. Позвал он Медведя, который места себе не находил и завёл с ним беседу.

– Ну что, Мишаня, делать будем? – ласково спросил Лесник. – Как жить планируешь?

Медведь молчал. На душе творилось неладное. Лесник понимал, что с ним происходит, оттого и смягчил разговор доброжелательным тоном.

– Не знаю, – потупив глаза долу, буркнул Мишка. – Как скажете, так и будет.

– Э нет, – Лесник рассмеялся. – Вместе будем думать. Работы много, отлынивать не придётся.

В глазах Медведя мелькнуло недоверие. Он поскрёб лапой темя и посмотрел на Лесника. Тот потирал ладони, будто озяб и хочет высечь искру.

– Ладно, – сказал Лесник, – Слушай внимательно.

Мишка обратился в слух.

– Как ты, понимаешь, вернуть всё на свои места – не получится...

После этих слов Потапыч напрягся и ненароком расколол

ветку, которую вертел в лапе. Та хрустнула и, разойдясь на две половинки, застряла промеж острых, как бритвы когтей.

– Успокойся, – молвил Лесник. – Пойми, я вынужден объявить чрезвычайную ситуацию и назначить исполняющего обязанности.

Медведь ещё больше напрягся.

– Исполняющим обязанности будешь ты! – подытожил Лесник.

Мишка с шумом выдохнул. Он чуть было не кинулся обнимать Лесника, но тот уклонился, не без оснований полагая, дескать, не хватало ему сломанных рёбер.

– Это не всё, – после паузы продолжил опытный переговорщик. – Хочу, чтобы ты знал: я буду искать кандидата, который станет присматривать за тайгой во время зимних холодов.

Вот оно что! Медведь всё понял. Не зря столько лет в руководстве. С другой стороны, его не выгнали и не посадили. А могли! Зато теперь положение укрепитя. Кто бы мог предугадать, на что способны пернатые?

Лесник внимательно наблюдал за Медведем. Увидав, что тот правильно оценил ситуацию, похлопал Косолапого по плечу. Крепким рукопожатием они скрепили договор. После чего созвали совещание, где объявили о принятом решении. Все бросились поздравлять Михайло Потапыча.

Двуглавый

Назначив Медведя исполняющим обязанности, Лесник стал собираться в дорогу. Завершить объезд подконтрольной территории, не забывая, объявить негласный конкурс. Почему негласный? Да потому что «гласность», на которую опираются либералы, возносит на вершину тех, за кого голосует большинство. А не профессионалов. Но завоевать симпатии избирателей – дело не хитрое. Давно придуманы технологии манипулирования. Вон как Сова обработала соплеменников. Целая тайга «потеряла голову». Вот и задумался Лесник о звере, что будет негласно блюсти порядок на вверенном ему участке. Не под Медведем, а подчиняясь непосредственно Леснику. А это значит, кандидат должен быть преданным и могучим, не уступающим силой Косолапому. Кроме того, его неподкупность должна стать образцом, поскольку лихолетье смуты не исчезло бесследно. Народилось поколение зверёнышей, хлебнувших горячительного напитка вольной жизни. Не зря в народе говорят, «нету кошки, вот мышки и резвятся».

Стоп! Эх дурья башка! Как же сразу не догадался? Хватит амурскому Тигру прохлаждаться. Времена непростые, так что призову его на службу. Жёны у него верные, а здоровья, хоть отбавляй, силища – неимоверная! Что ещё? Преданность? Ах да, Кошки тяжело поддаются дрессуре. Но с

преданностью поступим так: присвоим ему графский титул, будет что оставить потомству.

Переговорив с Медведем и несмотря на его явное недовольство, Лесник приказал Тигру выходить на службу. Пройдя подробный инструктаж, новоиспечённый граф с огоньком занялся делом. Перво-наперво составил список неблагонадёжных. В него попали все, без исключения, грызуны, так как Лесник, разгребая последствия мятежа, обратил внимание на свод правил, что задолго до смены власти готовили эти самые грызуны. И благодаря длинному списку самые бредовые идеи получили законодательные инициативы. Но завершилась кропотливая работа, проделанная грызунами из желания выслужиться перед Совой. Её результатом стало поимённое попадание всех «канцелярских крыс», к Тигру «на карандаш»...

Само собой разумеется, мы не претендуем на полноту изложения событий в мельчайших подробностях: с описанием характеров, сложности взаимоотношений между участниками этой трагикомедии. Тем не менее, узловые моменты отражены в полном объёме. Медведь вновь оказался на своём месте, правда, с урезанными полномочиями. Из нововведений в тайге появилась должность «незримого смотрителя». Ну а Сову опекал внук-либерал, изводивший бабушку язвительными вопросами: бабуля, вдеть тебе нитку в иголку? Прекрасно понимая, что подслеповатой пенсионерке трудно справиться с этой непростой задачей. Но, что по-

сеешь, то и пожнёшь.

Да, Медведь-то на досуге учудил! Впечатлившись должностью, учреждённой Лесником и закреплённой за амурским Тигром, он безо всякого на то согласования открыл в штате вакансию начальника охраны. Зреть да позирать за таёжной живностью, дабы зверьки малые благополучно добирались домой, а на таёжных тропках было спокойно. К слову сказать, вакансия пустовала недолго, Мишка знал, для какой кандидатуры она создана, так как не прошло и несколько дней, а он уже представил начальника охраны общественного порядка. Им оказался его ближайший родственник – Волк! С той поры завелись в тайге Волки позорные. Стоящие на позоре, позирующие за общественным порядком. Кстати, Волк оказался верным служакой, мздоимством не страдал, полномочий не превышал. Службу тащил исправно, служил – не тужил.

Узнав о несогласованной инициативе Медведя, Лесник ругаться не стал. Однако поразмыслив, принял решение. Не дожидаясь, пока Хозяин тайги завалится в берлогу, он созвал совещание. Там, публично наградив Михайло Потапыча, отправил на заслуженный отдых, после чего озвучил приказ, который гласил: исполняющим обязанности Хозяина тайги назначается – Орёл о двух головах! Природа наградила его этой особенностью именно ради государевой службы. И теперь всем подданным строжайше предписывалось ему повиноваться.

Завершая речь, Лесник подошёл к машине и открыл заднюю дверцу. Из салона выпорхнул огромный Двуглавый Орёл и, заняв верхнюю ветку стоящего неподалёку вяза, стал горделиво осматривать окрестности...

Пугало

На дачном огорожке во владениях пенсионера Агафона с недавних пор поселилось пугало. Всамделишное. Рукотворное. Отгонять птиц да иных непрошенных гостей. Потому как жил старик один-одинёшенек. Жены у него давно не было, а детки выросли и разлетелись по своим орбитам. Из домоладцев оставался только кот Меркурий, что любил погреться на печи да вывалиться в снегу, и лохматая собака по кличке Венера. Она жила во дворе, в будке. Такая вот бесхитростная компания.

Несмотря на свои преклонные годы, Агафон был крепким, вот только малость прихрамывал. Характеру незлобного, голосу негромкого. Говорил тихо, но доходчиво. Из курева предпочитал самосад. Его выращивал на огороде и сушил на чердаке. Самосад был таким терпким, что продирает горло от одной затяжки. И всё бы ничего, вот только скука донимала, ведь кроме Меркурия и Венеры, компанию составить некому. Кто-то допоздна задерживался на работе, кто-то уехал в город. А прохожих раз-два и обчёлся.

Вышел Агафон на улицу, огляделся по сторонам, да и присел на лавочку возле калитки. Поднял глаза к небу и подумал: а не смастерить ли мне пугало? Посидел так минут-другую и решил изготовить себе бабу, для чего направился к веранде, что служила мастерской. Там достал из шкафа

моток толстой проволоки, кусок поролона да приволок высухшую тыкву. Она вот уже несколько лет как валялась в сарае без дела. Недолго думая, скрутил узловатыми пальцами проволочный скелет, обмотал поролоном, а из одежды натянул на пугало длинную юбку и кофту. Их нашёл в комодке вместе с париком. Прикрутил к туловищу тыкву, приладил парик, а сверху повязал платок. Отошёл назад и умилился. Вылитая баба! Издали сойдёт за живую.

Поднял он пугало на руки и бережно отнёс в огород. Однако на шест сажать не стал. Как-никак – баба, негоже ей вертеться на шесте у всех на виду. Приволок скамейку и усадил на неё Агафью. Так назвал пугало. Пожелал ей спокойной ночи и ушёл готовиться в вечернюю смену. Потому как, невзирая на возраст, не желал сидеть без дела. Вот и устроился сторожем, по ночам работал, а днём занимался домашними делами. Ведь на старости лет не спится. Каждый час жизни на вес золота...

Едва за стариком захлопнулась калитка, Агафья пошевелилась. Если б кто из соседей в это время проходил мимо, наверняка с перепугу попал бы в реанимацию. Пугало, да ещё живое – зрелище не для слабонервных! Но Агафья, несмотря на неказистую внешность, оказалась доброй и трудолюбивой. Не стала она рассиживаться на скамейке, а пошла к дому, где взяла метлу и собралась вымести двор. И всё бы ничего, но Венера настороженно восприняла её намерение. Разумеется, собака была не против, когда с метлой управлялся

старик. А тут за метлу взялось нечто, ещё недавно бывшее проволокой, поролоном, да ненужным тряпьём. Вот и заби-лась с испугу в конуру.

Видя такое дело, Агафья спросила:

– Ты чего переполошилась? Метлы не видала?

Однако Венера ещё больше вжалась в будку и только глухо рычала. Тогда Агафья взяла её миску и налила воды из ру-комойника. Затем, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить соседей, вымела двор и собрала мусор в совок.

В это время зашелестела цепь. Оказалось, Венера вылезла из конуры попить водицы. Агафья подошла и погладила со-баку. Та вильнула хвостом. Так между ними завязались дру-жеские отношения.

Закончив подметать, она вынесла совок с мусором на ого-род, где возле деревянного *нужника* возвышалась куча ба-рахла. Когда подошла ближе, заметила змею, что, свернув-шись калачиком, по всей видимости, спала. Агафья осторож-но к ней приблизилась, дабы получше рассмотреть. Она зна-ла: со змеями нужно быть внимательной, чтобы не укусили, да и самой не нанести им вреда. Ведь многие с испугу уби-вают змей! Однако, если их не беспокоить, змеи уползают восвояси. Они редко нападают на людей. Только когда защи-щаются.

Насколько ей было известно, самой опасной обитающей в этих местах по праву считалась гадюка. Поэтому она вни-мательно изучала голову лежащей перед ней змеи. Нет! На

гадюку не похожа. У той голова треугольная, а зрачки расположены вертикально. А у этой зрачки круглые, к тому же два больших жёлтых пятна за головой.

Змея, будто почуяв, зашевелилась и постаралась спрятаться.

– Это уж! – радостно подумала Агафья, а вслух сказала. –
Доброй ночи! Простите, если побеспокоила.

Удивлённый уж прошепелявил:

– Доброй! Ничего страшного. Бывает, – и замер.

Движения Агафьи не несли угрозы, поэтому он с любопытством разглядывал существо, по виду напоминавшее женщину. Удостоверившись, что с ней можно общаться без опаски, спросил:

– Если не секрет, почему не спите? На улице такая темень, даже странно, что вы меня заприметили.

Агафья улыбнулась и поведала свою историю. Про то, как её создал старик, а также про дружбу с собакой. На ужа сказанное произвело впечатление, и выпуская раздвоенный язык, он уточнил:

– Так почему не спите?

Агафья охотно ответила:

– Мне сон ни к чему. А работы накопилось изрядно. Нужно успеть до рассвета, чтобы хозяин остался доволен.

Уж задумался, Агафья была не по годам мудра. Пожалуй, не уступит в мудрости змеям. Вишь как радуется за хозяина! Растроганный, он предложил ей в случае надобности по-

мощь. Однако Агафья отказалась. Тогда змея свернулась поудобнее и приготовилась ко сну. Агафья попрощалась с ужом и вернулась во двор. Она поставила совок у сарая и вошла внутрь.

В сарае было темно, хоть глаз выколи. Стоял густой запах прелой соломы. Агафья сделала шаг, но стукнулась о притолоку. Ойкнув, пошарила рукой и нашла выключатель. Он негромко клацнул, и тусклый свет проник во все уголки, осветив перегородку, разделявшую сарай на две неравные части.

Его большую половину занимал свинарник, где вольготно себя чувствовал кабан. Он хрюкнул от недовольствия, потому как включённый свет разбудил. Хряк поднялся и стал раздражённо грызть корыто. В другой половине стояли клетки с кроликами. Грызуны испуганно таращились на Агафью. Их красные глаза неотступно следили за нею. Тогда Агафья, обратившись к кабану и кроликам, поздоровалась:

– Доброй ночи. Извините за беспокойство.

Кабан засопел, а кролики пошевелили ушами. Они выжидательно смотрели на гостью, надеясь получить лакомство. Однако Агафья, не обращая внимания на неприветливость кабана, похвалила его округлые бока, мощную спину да крепкие копытца. Кабану это понравилось, тогда Агафья предложила ему прогуляться, пока будет чистить свинарник. Кабан удивился! Обычно старик молча открывал дверцу и выпускал во двор. Но Агафья была столь деликатна, что он

смутился и подождав, пока ему откроют, выскочил наружу. Довольный, юркнул в огород, пробежал по рыхлой земле и улёгся возле мусорной кучи.

Агафья огляделась. Блѣклый свет вторгался в самые дальние закутки. Там стояли вилы, лопата да скребок, каким обычно чистят полы. Она взяла его и стала скрести деревянное покрытие, служившее кабану местом ночлега. Затем сгребла навоз в кучу, после чего закатила в свинарник тачку. Нагрузив тачку доверху, направилась в огород, где и разбросала удобрение. Свинарник был вычищен на славу!

Когда закончила, пригласила хряка вернуться. Но боров не желал возвращаться, и ей пришлось его уговаривать. Наконец он внял просьбе и втиснулся в дверной проѐм. Кабан придиричиво осмотрел отскоблѣнный пол и остался доволен, ведь Агафья выстелила угол соломой, куда он с удовольствием повалился. После чего занялась кроликами.

Агафья поочерѣдно открыла дверцы и убрала лежалое сено. Затем застелила клетки свежим. За ним сходила на огород, так как за сараем рядом со скирдой соломы стоял душистого стог скошенной травы. Она навела в клетях порядок и заметила ведро с картофелем, что стояло чуть поодаль. Мелко разрезая картофель, накормила кролей. Пока те лопали, ласково приговаривала:

– Ешьте, я ещё нарежу.

Но кроликов не нужно было уговаривать. Они уплетали картошку за будь здоров.

Хлопоты

Накормив кролей, Агафья вышла во двор. Безлунное небо повисло над дачами. Его пронизали мириады маленьких дырочек, сквозь которые проникал свет. Робкое пенье сверчков знаменовало приход весны. Кое-где раздавался одинокий лай, услышав который, Венера вскидывала ухо. Но лай смолкал, и собака успокаивалась.

Агафья прислушалась к шорохам, исходившим из сарая. Судя по негромкому шуршанию, там всё было в порядке. Кабан спал глубоким сном, кролики доедали картофельные клубни. Сонная Венера изредка поглядывала на Агафью, вскидывая то одну, то другую бровь. Ей нравилась расторопность пугала, но собака, несмотря на дружеский настрой, была начеку.

Агафья направилась к крыльцу, на котором стоял тазик с мокрым бельём. Днём старик замочил вещи и оставил до утра. Глядя на бельё, она подумала: стирать – не мужское дело! У мужчин своей работы хватает. Им нужно добывать еду, чтобы прокормить семью. Содержать дом в порядке – женская обязанность! Правда, домашний труд незаметен, но без него никак.

Она придвинула таз и выстирала бельё. Затем слила пенную воду. Осталось прополоскать. Раздумывая, где набрать воды, подошла к калитке и потянула за ручку. Дверца скрип-

нула, и Агафья осторожно выглянула на улицу.

Очертания колодца проступали на противоположной стороне. Однако, несмотря на безлунное небо, она не рискнула выйти. Вдруг кто увидит? Так и не решившись, прикрыла калитку и, задумавшись, села на крыльцо. Где же набрать воды? Размышляя, подняла глаза и увидела Ганимеда. Троянский виночерпий забавлялся с рыбами, поливая их из кувшина и Агафья обратилась к нему с просьбой дать немножечко воды. Щедрый Водолей плеснул в таз чистую струю. Падая, брызги расплескались и оросили крыльцо. Тогда Агафья выполоскала бельё, хорошенько отжала и развесила сушиться. Затем взяла половую тряпку и вымыла деревянные ступени. Довольная, поблагодарила Ганимеда. Виночерпий благожелательно кивнул в ответ.

Внезапно возле палисадника раздался смех, и кто-то перелез через штакетник. Послышались звуки, какие издаёт человек, утоляя жажду. Венера зарычала, но Агафья приложила палец к устам: тихо. Не шуми. А сама незаметно подкралась к палисаднику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.